

Глава 22: Учитель и ученик

Пэй Ду, давно привыкший к тому, что по его одежде вечно снует маленький птенец, машинально подхватил его в ладонь.

Шэнь Цзюцзю отвернулся, с презрением отпустил рукав Пэй Ду и впился в него гневным взглядом.

Под этим пристальным взглядом Пэй Ду на редкость ощутил неловкость и тихо пояснил:

— Это обычные благовония, лишь слегка успокаивают дух. Они безвредны для здоровья.

Только тогда Шэнь Цзюцзю сложил свои воинственно расправленные крылья.

Пэй Ду держал птенца в правой руке — той самой, что днём была порезана осколком чашки и теперь была перевязана.

Шэнь Цзюцзю осторожно переступил лапками, расставив их так, чтобы не задеть повязку, и устроился у запястья. Затем он склонил головку и мягко потёрся о забинтованную ладонь.

Уголки губ Пэй Ду дрогнули в улыбке, голос его смягчился:

— Пустяковая царапина, всё в порядке.

Шэнь Цзюцзю недовольно хмыкнул.

Даже если ему и нужно было таким способом сохранить ясность ума, неужели нельзя было воспользоваться кинжалом? Осколок чашки — тупой, рана от него наверняка рваная и болит сильнее, кровоточит обильнее, а внутрь могли попасть мелкие частицы фарфора.

На самом деле Шэнь Цзюцзю очень хотел спросить, действительно ли этот метод сработал и понял ли Пэй Ду его послание. Но интуиция подсказывала — спрашивать нельзя.

Если Пэй Ду и вправду всё понял, то...

Не спрашивать, не получать ответа — это молчаливое согласие было самым безопасным выходом.

Но именно потому, что они не могли говорить открыто, Шэнь Цзюцзю не мог возлагать все надежды лишь на Пэй Ду.

Будь тот уверен в успехе, он бы непременно успокоил птенца, но он этого не сделал.

Вспомнив, как Пэй Ду заставил его повторить представление дважды, Шэнь Цзюцзю почти мгновенно провёл параллель со своими стёртыми воспоминаниями о Шэнь Синэне.

А что, если Пэй Ду, догадавшись о чём-то, касающемся сюжета, тоже, как и он сам прежде, лишается воспоминаний?

И поэтому во второй раз он прибег к столь крайним мерам.

Если это так, то воля мира, стерев память Пэй Ду один раз, наверняка сможет сделать это и во второй.

Шэнь Цзюцзю легонько клюнул Пэй Ду в большой палец.

— Цзю-цзю.

Не волнуйся, Цзюцзю здесь!

Вероятно, сработал птичий инстинкт: узел на повязке Пэй Ду так и манил, клюв просто зудел от желания потеревить его. И вот, пока Пэй Ду наливал чай, Шэнь Цзюцзю уже всю сражался с бинтами на его руке.

Через мгновение птенец опомнился и, когда Пэй Ду потянулся за чашкой, расправил крылья, преграждая ему путь.

— Цзю-цзю-цзю, цзю-цзю-цзю?

Куда на ночь чай пить?! Ты спать не собираешься?

— Цзю-цзю-цзю-цзю-цзю?

Когда мы спать-то пойдём?

Лицо Пэй Ду слегка напряглось.

—...Не торопись.

Шэнь Цзюцзю разгадал его уловку и с важным видом вздохнул. Он упёрся лапкой в ладонь Пэй Ду и крылышком погладил его по запястью.

— Цзю-цзю-цзю-цзю, цзю-цзю-цзю-цзю?

Ты ведь взрослый человек, как можно так избегать лечения?

Хотя Пэй Ду и не понимал слов, общий смысл уловил безошибочно.

Он решил быть откровенным и обсудить с птенцом несколько правил поведения в спальне.

Кисточка осталась в кабинете, да и пачкать лапки перед сном было ни к чему, поэтому Пэй Ду налил ещё одну чашку воды и поставил Шэнь Цзюцзю рядом с ней.

— Синэнь, ты всё-таки... — Пэй Ду запнулся, тщательно подбирая слова, но в итоге опустил вторую часть фразы. — Нам... не следует быть слишком близкими.

Шэнь Цзюцзю молча продемонстрировал свои аккуратно сложенные крылья.

Он ведь теперь просто птенец, неужели и ему нужно соблюдать все эти условности?

Хотя в Великой Чжоу и были распространены узы побратимства, касалось это в основном простого люда. У императора был огромный гарем, но ни одного мужчины-наложника, что уж говорить о знатных семьях.

Постойте-ка.

А ведь у благодетеля и впрямь никого не было во внутренних покоях!

Шэнь Цзюцзю откинулся назад, изумлённо глядя на Пэй Ду.

— Ты думаешь... Ладно, не думаю, что хочу это знать, — Пэй Ду на полуслове разгадал пошловатый намёк в выразительных глазках птенца, поджал губы и перехватил его лапку, которая уже тянулась к воде, чтобы что-то написать.

Шэнь Цзюцзю моргнул.

Ничего страшного, ничего страшного.

Любить мужчин — это нормально, дело житейское.

Но он-то всего лишь птенчик мужского пола, неужели и ему нужно соблюдать дистанцию?

Право, благодетель был слишком щепетилен в этих вопросах.

На самом деле Пэй Ду никак не мог до конца понять Шэнь Цзюцзю.

С одной стороны, он был несомненно умён. Пэй Ду никогда не запрещал ему смотреть бумаги на своём столе, и птенец просматривал их с поразительной скоростью. Иногда, в хорошем настроении, видя, что Пэй Ду завален работой, он даже помогал ему, сортируя документы клювом.

Но, как правило, умные люди очень хорошо чувствуют границы и обладают обострённым чувством собственного достоинства.

Шэнь Цзюцзю был не таким.

В общении с людьми он в совершенстве владел искусством кокетства и лести, ведя себя как настоящая птица — как ему вздумается, так и поступал, без всякого груза человеческой, а тем более учёной, гордости.

Странная смесь птичьего и человеческого.

Поэтому Пэй Ду порой было очень трудно дать ему определение.

Решив не вступать в дальнейшие пререкания, он просто заявил:

— Спи на подушке. Я не боюсь, что ты будешь меня бить.

Шэнь Цзюцзю открыл было клюв, чтобы возразить, но Пэй Ду опередил его:

— Когда ты спишь у меня на груди, мне ещё более не по себе.

Что именно вызывало у него это чувство, он уточнять не стал.

Шэнь Цзюцзю подумал и решил, что так тоже сойдёт.

Если уж благодетель никак не может поступиться своей сдержанностью, что ж поделать.

Для птенца не имело значения, где спать, главное — быть рядом.

Подумав так, он согласно кивнул.

Пэй Ду с облегчением выдохнул.

Пусть его и будут будить взмахами крыльев, но по крайней мере он сможет наконец уснуть.

Разобравшись с проблемой упрямого больного, Шэнь Цзюцзю провёл лапкой по столу. Вопрос, мучивший его весь день, снова всплыл на поверхность, и отогнать его было уже невозможно.

Набравшись смелости, птенец обмакнул лапку в чай и как можно быстрее начертал на столешнице:

«Если бы Шэнь Синэнь пришёл к тебе...»

...ты бы и вправду взял его в ученики?

Вторую часть вопроса Шэнь Цзюцзю написать не решился, да и не знал, как это сделать.

Возможно, Шэнь Синэнь, только попав в этот мир, был полон самоуверенности, дарованной знанием сюжета. Но Шэнь Цзюцзю, переживший смерть и переродившийся в птицу, этой уверенности лишился.

В учёности ему не сравниться с Пэй Ду; в драке... об этом и говорить нечего, он был слабым книжником; в интригах он уступал мачехе Чжоу; в хитрости — сводному брату Шэнь Юаню...

Так неужели Пэй Ду и вправду мог бы взять такого Шэнь Синэня в ученики?

Если бы не слова Суй Цзымина, Шэнь Цзюцзю никогда бы и не подумал в этом направлении.

Но слова Цзымина стали ключом, открывшим ящик Пандоры, и, раз услышав их, он уже не мог перестать об этом думать.

Поэтому он всё-таки спросил.

Пэй Ду ответил не сразу. Он опустил взгляд, на мгновение задумавшись, а затем протянул ладонь к птенцу, свернувшемуся на столе и искоса поглядывавшему на него.

Шэнь Цзюцзю забрался в его ладонь.

Пэй Ду поднял руку, заглядывая птенцу прямо в глаза.

— Да.

Это простое слово взорвалось в сознании птенца фейерверком.

Его глаза мгновенно округлились, кровь забурилась в жилах, и ему отчаянно захотелось взмахнуть крыльями и облететь поместье Пэй раз десять.

Но Шэнь Цзюцзю сдержался.

Хотя, по большей части, потому что боялся высоты и не умел летать.

Он изо всех сил старался выглядеть сдержанным, но не мог унять нетерпеливого взгляда, устремлённого на Пэй Ду.

Так почему же «да»?

Похвали меня.

Ну похвали же меня~

Пэй Ду разгадал его немой призыв и с улыбкой спросил:

— Действительно хочешь знать причину?

Шэнь Цзюцзю немного успокоился, но всё равно решительно кивнул.

Хотя он и знал, что благодетель не таков, но вдруг он просто утешает маленькую птичку?

— Синэнь, ты знаешь, что означает статус учителя и ученика?

Шэнь Цзюцзю на миг замер, затем указал крылом на Пэй Ду, а кончиком другого — на себя.

— Верно, передавать знания и разрешать сомнения — долг наставника, — сказал Пэй Ду. — Но в нынешнем дворе и среди чиновников это значит гораздо больше.

— Мой ученик должен выдерживать пристальное внимание придворных и учёных мужей, нести на своих плечах тяжкое бремя управления государством. И самое главное — он должен быть моим единомышленником, никогда не предавать меня и никогда... не становиться моей слабостью.

В этот миг в облике Пэй Ду на смену привычной мягкости пришли холодное величие, бесстрастная пронизательность и нотка затаённой одержимости.

— Мой ученик должен принадлежать мне, и только мне.

Но какой учёный муж, достигший высот, достойных внимания Пэй Ду, не был бы связан ожиданиями семьи, не был бы опутан сетями чужих интересов?

Внезапно Шэнь Цзюцзю показалось, что он приподнял краешек завесы и заглянул в тёмную бездну, что скрывалась под личиной благодетеля.

— Шэнь Синэнь — выходец из дома князя-защитника государства. Его отец носит титул, мать — богатая купчиха с юга, мачеха связана со сторонниками князя У. Его происхождение сложно, но все эти силы уравновешивают друг друга.

— С детства он слаб здоровьем, но сумел занять первое место на государственных экзаменах.

Пэй Ду видел, что птенец слушает его, замерев, но не остановился, а продолжил свой беспристрастный анализ, объясняя, почему он взял бы Шэнь Синэня в ученики.

— Всё это — его козыри, достаточно веские, чтобы я обратил на него внимание.

Козыри?..

Неужели всё это могло стать причиной благосклонности Пэй Ду?

А он-то считал это своими проблемами.

— Но самое главное — это природный талант самого Шэнь Синэня. Слава о гениальном цзеюане, сдавшем экзамены в пятнадцать лет, давно дошла до столицы. Ни один наставник не откажется от возможности обучать гения, который в будущем может превзойти его самого.

— Он слаб телом, но не жалеет себя, в нём есть стержень. Столь самодисциплинированный человек должен быть амбициозен и иметь цель. Он сведущ и в науках, и в торговле, что говорит

о его пронизательности. Он не в ладах со своей семьёй, но при этом умеет быть благодарным. Он ещё молод, его можно воспитать и направить.

— Со временем он станет незаменимым помощником.

— Учитывая всё вышесказанное, любой великий учёный, к какой бы фракции он ни принадлежал, взвесив все за и против, взял бы его в ученики. Выгода от такого решения очевидно перевешивает риски.

— А поскольку Шэнь Синэнь по прибытии в столицу несколько раз намекал на наше знакомство, его и так уже причислили к кругу учёных, близких к дому Пэй. Так что, с точки зрения и чувств, и разума, для меня он — самый подходящий и выдающийся ученик, который сам идёт в руки.

Возможно, Шэнь Синэнь и сам не осознавал, что путь, который ему предначертан — это тот самый путь, который Пэй Ду знал лучше всего и на котором уже достиг вершин: путь одинокого, преданного лишь государю министра.

Пэй Ду смотрел на застывшего птенца, и уголки его губ изогнулись в улыбке. Он ничуть не смущался того, что приоткрыл перед ним частичку своей истинной натуры.

— Поэтому — да.

<http://bllate.org/book/13669/1210585>